

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-77-85

РЕМИНИСЦЕНЦИИ И АЛЛЮЗИИ В «ДНЕВНИКЕ В СТИХАХ» Н.А. ОЦУПА

Алексеева Л.Ф.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье речь идёт о реминисцентности как принципе организации большого лиро-эпического полотна в наследии Н.А. Оцупа. Глобальная картина трагического положения личности в обстоятельствах XX столетия воссоздаётся автором через диалог с многочисленными поэтами и мыслителями различных стран и веков, ветхозаветными и евангельскими пророками и святыми, героями античного эпоса и русского фольклора. Пушкин, Тютчев и Блок для автора – символические имена. Пушкин для него – «ум без зла», Тютчев – провидец атайн русской души, Блок – певец Вечной Женственности, преодолевший яд иронии, современник («Блока гроб я подпирал плечом»). «Дневник в стихах» запечатлел судьбу и духовное преображение человека, обречённого странствовать, переносить неволю, терять родину, осознавать истоки зла, одолевая его христианской любовью. Благодаря прямым и опосредованным реминисценциям фон всемирной культуры включается поэтом в пространство души автобиографического героя.

Ключевые слова: реминисценции, аллюзии, лиро-эпическое полотно, диалог, символ, ирония, аналитическая параллель, Пушкин, Тютчев, Блок, арфа, муза, культура.

REMINISCENCES AND ALLUSIONS IN N. OTSUP'S "DIARY IN VERSE"

L. Alexejeva

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article deals with reminiscence as the organizing principle of the great lyric-epic canvas in the legacy of N. Otsup. The global picture of the tragic situation of the individual in the circumstances of the twentieth century is recreated by the author through dialogue with many poets and thinkers of different countries and centuries, old Testament and the gospel prophets and saints, the heroes of Greek mythology and Russian folklore. Pushkin, Tyutchev, and Blok

© Алексеева Л.Ф., 2017.

are symbolic names to the author: Pushkin for him is a "mind without evil", Tyutchev is a seer of the mysteries of the Russian soul, Blok is the singer of the Eternal Femininity who overcame the poison of irony, a close contemporary ("I supported Blok's coffin with a shoulder"). "Diary in verse" described the fate and spiritual transformation of a man, doomed to wander, to endure captivity, to lose home, be aware of the origins of evil, to defeat it with Christian love. Due to the direct and indirect allusions, the background of the world culture is included by the poet into the space of the soul of an autobiographical character.

Key words: reminiscences, allusions, lyric-epic canvas, dialogue, symbol, irony, Pushkin, Tyutchev, Blok, harp, muse, culture.

Творчество Николая Авдеевича Оцуца (1894–1958), литературного критика, главного редактора парижского журнала «Числа», автора нескольких сборников стихов, привлекает внимание критиков и историков литературы на протяжении многих лет, особенно в конце XX – начале XXI века. Обзор трудов об Оцуце добросовестно сделан диссертантами, составившими довольно подробную библиографию [8, 9]. Прижизненные критики и литературоведы, при постоянном доброжелательном внимании к соотечественнику, однако, мало внимания уделили позднему творчеству поэта.

«Дневник в стихах» (1950) требовал от автора огромной эрудиции, столь же просвещённого читателя ожидал (и сохраняет это состояние) текст, – для мало образованного реципиента многое в нём окажется недоступным для восприятия и понимания.

Постоянные обращения Н.А. Оцуца к Ветхому и Новому Завету, именам писателей, философов, художников, композиторов, богословов и политических деятелей диктуют «собеседнику» необходимость их сравнивать друг с другом, сопоставлять звенья исторических цепей, соотносить частные судьбы и общие тенденции в жизни народов и культур. Мы остановимся

лишь на некоторых аллюзиях и реминисценциях, поскольку охватить в одной статье их удивительное изобилие невозможно.

Важнейшее значение для прочтения произведения имеет эпитафия из второго варианта последней строфы пушкинского стихотворения («*В часы забав иль праздной скуки...*»): «*И внемлет арфе Серафима / В священном ужасе поэт*» [7, с. 470]. Вдохновлённые стихотворным посланием к Пушкину митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), эти слова обозначают найденное творческой личностью мерило ценностей, точку обозрения земной истории человека и человечества – «с высоты духовной». Пушкин признавался, что прежде исторгал звон «струны лукавой», а пастырь исцелял неизбежные в таком случае «раны совести» – лил на них елей «речей благоуханных». Пастырскими словами освещено поле пушкинского лирического сюжета, отразившего падение героя, легкомысленно позволившего себе создавать «*изнеженные звуки / Безумства, лени и страстей*» [7, с. 469]. С самого начала эпитафией к «Дневнику в стихах» Оцуца задана аналитическая параллель между пушкинским «я» и героем «Дневника», также преодолевающим юношеское легкомыслие, заблужде-

ния, греховные помыслы, – по пушкинскому определению, «*мрак земных сует*» [7, с. 469].

Покаянное и благодарное чувство за найденную способность слышать «арфу Серафима», ощущать духовный мир, иными словами обозначенный в известном всему читательскому миру «Пророке» как «горний ангелов полёт», составляет нерасторжимую параллель, явно и неявно сопровождающую всё повествование Оцуа.

Пять катренов пушкинского стихотворения определяют внутреннее движение лирико-философского сюжета Оцуа на протяжении всех трёх частей, разворачивающих повествование о пути героя от раннего детства до Первой мировой войны, её окончания, затем – от межвоенного промежутка – к Второй мировой, обрушившей на голову частного человека неизбежность оказаться в условиях фронта, в плену, в тюрьме, среди партизан, участвовать в сражениях, одолевая усталость и опустошённость... Однако во всём пережитом автор угадывает как будто сигналы из прошлого, поступающие в виде упоминаний о произведениях искусства и известных персонажах русской и западноевропейской классики. Для поэта здесь важен поиск пути, нечто более значительное, чем причастность к культуре, – возможность утверждения любви и веры в Бога, внутреннее очищение, которого по-тютчевски требует душа «в минуты роковые». Образ огня, попяляющего греховные стремления и поступки, поэт двадцатого столетия по-новому осмыслил, увидев в нём сущность своего века, насквозь пронизанного пожарами, разрухой, смертями, разлуками, отчаянием...

Множество испытаний погружает и оцуповского героя, как и пушкинского, процитированного в эпиграфе, в «священный ужас» перед божественным совершенством Истины. Он неоднократно допускает поступки, открывающие его нравственные изъяны, но, претерпевая заблуждения и падения, возрастает духовно под влиянием любви к самоотверженной женщине, ставшей для него Музой, ангелом, волшебным даром самого Провидения.

По сути, перед читателем Николая Оцуа выстраиваются в длинную цепь не дневниковые записи в привычном для этого жанра виде, не фиксация переживаний день за днём, не записи впечатлений, но обобщённые раздумья об отрезках жизненного пути, философические наблюдения за религиозным состоянием мира и собственными духовными изменениями, – отнюдь не хроника, а, скорее, историософия, пронизавшая автобиографию, – с жанровыми признаками стройной поэмы, может быть, романа в стихах, в структуре которого доминирует музыкальное начало, о котором говорили Ф. Ницше («Рождение трагедии из духа музыки») и А. Блок («Возмездие», «Крушение гуманизма»).

Заметим, что сам музыкальный инструмент – арфа – присутствует и в названии цикла стихотворений А. Блока – «Арфы и скрипки» [2, с. 158-226], причём арфа символизирует и у Блока, вслед за Пушкиным, высокую песнь духа, противостоит скрипке, олицетворяющей индивидуальность, эгоистически сосредоточенную на самой себе: «*Зачем же в час земных торжеств / Ты злишься, мой смычок визгливый, / Врываясь в мировой оркестр / Отдельной песней торопливой?*» [2,

с. 192]. Блок, как современник, памятник эпохи, голос «напряжённой как арфа души», появляется на страницах «Дневника» многократно.

Оцуп, как и многие его старшие современники и ровесники, поэты Серебряного века, был увлечён идеями Вл. Соловьёва, который упоминается в произведении, хотя для автора «Дневника» здесь не главный источник размышлений о сущности всеединства и смысле любви. Эти кардинально значимые субстанции бытия для него – не книжное знание, его «дневниковый» герой идёт не столько от книг, сколько от непреднамеренного погружения в гущу современной истории. Он постигает смысл любви по-своему – через невольное обретение непрерывно нарастающего жизненного опыта, в процессе формирования которого в с п о м и н а е т с я, становится *реминисценциями*, выплывает как *аллюзия* то, что было предметом творческой жизни духа, придавало некую форму, кристаллизовавшуюся в соприкосновении с наследием других эпох и художников.

Можно выделить наиболее соловьёвские, программные строчки из текста: «Я, они и мы, но все – в одном. / Сообща, но – каждый о своём. // Всё в себе и я переживаю» [6, с. 255]. Осознание личностью своего места на земле мучительно формируется из соотношения всего содеянного человечеством и судьбы лирического героя, влекомого усилиями собственной воли. Вопреки ввергающим в кровавые распри обстоятельствам, герой обречён идти в одном направлении – к встрече с единственной женщиной, ставшей для него светочем и любовью. В любви же человек становится лучше

себя прежнего, любовь расщепляет скорлупу индивидуальной замкнутости, открывает широкое пространство прошлого и вечности. Оттуда получает герой Оцупа источник жизненной силы и высокого горения духа: «Из столетий веры и огня / Путь к тебе открылся для меня» [6, с. 263].

Великое множество ассоциаций и параллелей ведёт эрудированного и настроенного на самоанализ героя вместе со своим поколением по пути отказа от христианства, показавшегося самонадеянным современникам заблуждением. Оцуп находит лаконичную формулу для определения скрытых духовных шатаний и прозрений. Атеистические страницы судьбы поколения сменяются догадкой о необходимости вернуться к утраченному: «Раньше – христианство, дальше – срыв... / Только даже и сейчас похоже, / Что назад, всезнания вкусив, / Мы идти готовы» [6, с. 262].

В том, что истинные ценности сохранились в человеческих сердцах, – заслуга не угасающей силы творческого слова писателей и мыслителей многих эпох и народов, вновь и вновь включающихся в мыслительную канву «Дневника». В ещё большей степени этому способствует жизнь неравнодушных, верных своему призванию людей, целительно воздействующих на «ближних». Возлюбленная главного героя, его верная жена и требовательная муза, изначально ступив на путь жертвенного христианского служения, выстраивает свою земную жизнь без заботы о внешней красоте, но вся подчинена любви и добру, тому, чем наполнено её щедрое сердце.

Образ прекрасной женщины то подневниковому воплощён в образе ми-

лой девочки, танцующей на льду, то в облике чарующей артистизмом талантливой девушки-балерины, затем – самоотверженной сестры милосердия, монахини в миру, неизменной путеводительницы на пути спасения. Её зыблущийся силуэт постепенно приобретает твёрдые очертания, она сопоставлена с очаровательными музами мировой классики: Офелией, Беатриче, Татьяной, Наташей Ростовской...

Автор «Дневника в стихах» создаёт своё произведение не для современников, которые гложут «для небесных голосов» [6, с. 183]. Он надеется быть прочитанным «дальним» потомком, с которым, однако, его роднит истовое стремление к нелицеприятному самообличению и сострадание: «Все мы братья и по суете, / И по муке. Встретимся же, дальний, / С дальним – в климате исповедальни» [6, с. 183].

В фоновом поле лирического монолога угадываются речи Заратустры, персонажа Ф. Ницше: «Выше любви к ближнему стоит любовь к дальнему и будущему...» [5, с. 52]. Безусловно, «за кадром» присутствуют в поле авторских аллюзий не только лирика Пушкина и Боратынского, обращённая к «собеседнику», но, вероятно, и посвящённая адресату стихов Боратынского статья О. Мандельштама «О собеседнике» [4, с. 233-240], в которой, в свою очередь, цитируются строчки Фёдора Сологуба: «Друг мой тайный, друг мой дальний, / Я умру» [4, с. 240]. Эрудированный читатель вспомнит блоковские поэтические строчки: «Нет имени тебе, мой дальний» [1, с. 110]. Таким образом, выстраивается некая анфилада реминисценций, широкое пространство аллюзий, намёков, явных и скрытых переключек и соотношений.

Разумеется, на «дневниковых» страницах Оцупа важное место занимает Гумилёв, поэзия и судьба которого были постоянно в области его творческого внимания. Облик трагически обречённого поэта обозначен расквашенной цитатой одного из тех, которые «под пули ... подставляют грудь»: «Может быть, у младшего из них / Всё к развязке более готово / В середине странствия земного» [6, с. 185]. Здесь имеется в виду поэтический сборник с дантовской строкой в названии, который Гумилёв незадолго до смерти готовил к печати – «Посредине странствия земного». Мы найдём в повествовании Оцупа отголоски многих идей и образов Н. Гумилёва. Разность возрастных состояний, описанная автором «Памяти», предстаёт в «Дневнике» как общая закономерность человеческой эволюции. Вслед за автором «Огненного столпа» его последователь констатирует самодостаточность возрастных стадий:

*Взрослые и юноши и дети –
Три народа царства одного*
[6, с. 193].

Дети привлекательны интуицией, улавливающей токи древности, звуки истины – с большей глубины, нежели взрослые, в которых эта способность пригашена. Младенцы тонко угадывают религиозные истоки преемственных связей, главный жизненный нерв:

*В них предчувствие: не обойтись
Без того, чем прадеды спаслись!*
[6, с. 193].

С особенной пронзительностью предстаёт характеристика эпохи и сломленного трагическими потрясениями человека в третьей части стихотворного повествования Оцупа.

Тютчевский Цицерон утверждал «среди бурь гражданских и тревоги»: «Счастлив, кто посетил сей мир / В его минуты роковые...» [10, с. 122]. Для автора «Дневника в стихах» очевидно, что участник прошлых событий земной истории жил в менее трагичных обстоятельствах, нежели свидетель катастроф XX в. Более того, не только внешние условия, но и сам «новый человек» в самом себе, в ещё более ужасных страданиях, нежели тютчевский, несёт возмездие грозных сил.

На протяжении всего произведения исповедально открыта читателю духовная мука героя. Он наблюдает растерзанной злой враждой евразийский континент, мучительно ищет причины разрушительных итогов человеческой деятельности. В круге его горького восприятия – печальные судьбы русских людей, защищавших родину и утративших её, оказавшихся эмигрантами. Судьбоносный поток сближает его с насельниками тюрем, куда фашисты бросили людей разных национальностей и вероисповеданий; с бежавшими из лагерей и снова воевавшими бездомными бойцами, очерстевшими, забывшими о нормальных условиях жизни, о любви, настоящей радости бытия.

Итогом Второй мировой войны стало тотальное разрушение материальных и духовных ценностей: «Выхожу из переделки скверной / Кое-как... Опомился... Кругом / Разрушения – разворотили / Рельсы, души, нации. Разгром / Всюду. И тебя не пощадил» [6, с. 405], – не сдерживая горечи, обращается он к своей Прекрасной Даме.

Измученный, утративший идеалы юности герой обнажает дно своей души перед возлюбленной, с которой

был надолго разлучён. Быть правдивым «до конца» непросто, – беспощадный самоанализ подводит героя к уподоблению себя предателю Христа, Иуде: «Да. В себе я знаю что-то / Вечное, как зло Искарюта» [6, с. 405]. Персонаж Л.Н. Андреева Иуда Искариот, извративший мотивы своего предательства, выдающий свой поступок за высшую любовь, выплывает в данном контексте как духовное клеймо, символ сатанинского века, изменяющего Добру, любящего зло.

Погружение в адское пространство, падение в демоническую гордыню, честолюбие, разврат и страдание неизбежно напоминают ему о лермонтовском персонаже. Демон не случайно был близок многим творческим людям Серебряного века, переживавшим падение в бездну безверия, обольщение пустотой. Эстетизированный его облик запечатлён на врубелевских полотнах. Хрупкая и печальная героиня в свою очередь ассоциируется в тексте с Царевной-Лебедью с другой картины художника. Лирический герой клеймит себя с помощью выразительнейших упоминаний о *претекстах*. Например:

*Я любил тебя, как Мармеладов
Им же разорённую семью.
Только я страшнее, хоть не пью*
[6, с. 398].

Муза Оцупа, когда герой встречается с ней после многих лет разлуки, не сохранив телесной красоты, осталась чистой сердцем, ещё более возвысилась духовно, уподобилась ангелу: «За плечами словно два крыла» [6, с. 405]. Героиня «Дневника» сама идёт и ведёт поэта по пути верному, изначально ей предназначенному, щедро растрачивая силы.

*Хрупкое и странное дитя,
Так бесстрашна, как не все герои, –
Как же ты намучишься, платя
И за неуменье жить в покое,
И – когда в опасности другой –
За уменье жертвовать собой*
[6, с. 193].

Автор наделяет героиню качеством, присущим лирическому герою Блока, который добровольно отказался в «страшном мире» от равнодушной успокоенности: «Уюта – нет. Покоя – нет!» [2, с. 95]. Продолжающийся исторический слом требует от неё новой жертвы, осуществить её непросто – нужно особое «уменье».

Важно в конечном итоге постичь не только интертекстуальность предложенного жанрово-модифицированного произведения (что представляет несомненный интерес), но в конечном итоге определить подвижную, внутренне динамичную цельность текста, уяснить философскую и религиозную направленность авторского поиска и разобраться в эстетических и нравственно-этических позициях автобиографического героя, дерзнувшего вести дневник – в стихах. Сама по себе эта задача уводит от дневнико-

вого жанра, не требующего заботы об эстетической форме высказывания, ритмической однородности и гармоничности, тем более – строфической организации словесного русла. Стихотворная форма изначально побуждает читателя воспринимать текст как произведение искусства, ориентированное на композиционную стройность, гармонию и многозначность смысловых звучаний, причастность к разветвлённой духовной традиции.

Неровная и стремительно меняющаяся стезя, влекущая героя по изломам судьбы, толкуется автором как закономерная, может быть, предопределённая, хотя и требующая больших личных усилий. К реминисценциям и аллюзиям поэт прибегает, чтоб многогранно запечатлеть жизненное поле, представшее на изломах XX в. творческому взору единственный раз и впервые, но оно открывает свою суть и становится родным только через осознание отдельным, единичным человеком связей с общими, многовековыми, культурно-историческими и религиозными путями, направленными к Истине, духовной любви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. 467 с.
2. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. 715 с.
3. Гумилёв Н.С. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы. М.: Художественная литература, 1991. 590 с.
4. Мандельштам О.Э. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1991. 730 с.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого (пер. с нем.) М.: Интербук, 1990. 301 с.
6. Оцуп Н.А. Дневник в стихах // Океан времени: Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания о писателях. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. С. 181-498.
7. Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. М.: Художественная литература, 1985. 735 с.

8. Ратников К.В. Эволюция поэтического творчества Н. Оцупа: дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1998. 174 с.
9. Сафонова Е.А. Поэзия Н.А. Оцупа 1918–1930-х годов в культурно-историческом контексте: темы, мотивы, образы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2015.
10. Тютчев Ф.И. Полн. собр.соч. Письма: в 6 т. Т. 1 / сост. В.Н. Касаткина. М.: Классика, 2002. 528 с.

REFERENCES

1. Blok A.A. *Sobranie sochinenij. T. 2* [Collected works. Vol. 2]. Moscow; Leningrad, Goslitizdat Publ., 1960. 467 p.
2. Blok A.A. *Sobranie sochinenij. T. 3* [Collected works. Vol. 3]. Moscow; Leningrad, Goslitizdat Publ., 1960. 715 p.
3. Gumilev N.S. *Kollekciya sochinenij. T. 1 Stihotvoreniya. Poehmy* [Collection of works. T. 1. Verses; Poems]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. 590 p.
4. Mandel'shtam O.E. *Sobranie sochinenij. T. 2* [Collected works. Vol. 2]. Moscow, TERRA Publ., 1991. 730 p.
5. Nitsche F. *Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo* [Thus spoke Zarathustra. A book for all and none]. Moscow, Interbuk Publ., 1990. 301 p.
6. Otsup N.A. [Diary in verse]. In: *Okean vremeni: Stikhotvoreniya. Dnevnik v stikhakh. Stat'i i vospominaniya o pisatelyakh* [Ocean of time: Poems. Diary in verse. Articles and memoirs about the writers]. St. Petersburg, Logos; Düsseldorf, Goluboi vsadnik Publ., 1993. pp. 181–498
7. Pushkin A.S. *Sochineniya: v 3 t. T. 1. Stikhotvoreniya; Skazki; Ruslan i Lyudmila: Poema* [Works. Vol. 1. Poems; Tales; Ruslan and Ludmila: a Poem]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985. 735 p.
8. Ratnikov K.V. *Evoluciya poehicheskogo tvorchestva N. Otsupa: diss. ... kand. filol.nauk* [The evolution of poetry N. Otsup: PhD thesis in Philological sciences]. Chelyabinsk, 1998. 174 p.
9. Safonova E.A., *Poeziya N.A. Otsupa 1918–1930-h godov v kulturno-istoricheskom kontekste: temy, motivy, obrazy: diss. ... kand. filol.nauk* [Poetry of N. Otsup 1918–1930s in the cultural and historical context: themes, motifs, images: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Tomsk, 2015.
10. Tyutchev F.I. *Polnoe sobranije sochinenij. Pis'ma. T. 1* [Full collected works. Letters. T. 1]. Moscow, Klassika Publ., 2002. 528 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Любовь Фёдоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: modernen@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liubov Alexejeva – Doctor in Philological sciences, professor at the Department of Russian literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: modernen@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеева Л.Ф. Реминисценции и аллюзии в «Дневнике в стихах» Н.А. Оцупа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 77-85

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-77-85

FOR CITATION

Alexejeva L.F. Reminiscences and allusions in N. Otsup's "Diary in verse". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 77-85

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-77-85